

женія въ равнодушіи образованныхъ классовъ къ церкви, въ жалкой исторической судьбѣ сельскаго духовенства, доведшей его до крайней приниженности. Что касается приниженности, замѣчанія автора вѣрны, и причиною этого былъ не столько правительственный гнетъ, сколько старинная крѣпостная зависимость отъ епархіальной власти; сельскихъ поповъ обвинять нельзя: они всегда несли одну лямку съ народомъ. Но каковы бы ни были исключенія и причины, не въ этомъ дѣло: фактъ, указанный г. Рачинскимъ, все-таки остается въ своей силѣ. Но вѣдь есть и выходъ. Школа возвыситъ наше сельское духовенство; народъ, съ его, не нуждающимся въ свободѣ, высокимъ просвѣтителнымъ началомъ, приведетъ его къ пониманію своего призванія. Народъ, по словамъ автора, желаетъ „не житейскаго, а возвышеннаго ученія“... Однако погодите, не торопитесь. Вотъ, что между прочимъ высказываетъ тотъ же авторъ о набожности народа. „И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, *соперникомъ* церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ *слишкомъ часто* заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти (стр. 94, 95). Вотъ видите-ли: сознательное христіанство—и тутъ же кабакъ—соперникъ (!) церкви, и притомъ пьяный разгулъ не какой-либо случайный, а постоянный, такъ что нужны скорыя и рѣшительныя средства противъ недуга! И кто-же долженъ спасать? Все та же интеллигенція, на главу которой авторъ сыплетъ всевозможныя обвиненія въ безбожіи, въ верхоглядствѣ, въ непониманіи народа! Поистинѣ изумительно: народъ ищетъ спасенія у священниковъ, но священники плохи, и народъ самъ долженъ спасать ихъ; но и народъ плохъ и ждетъ спасенія отъ интеллигенціи, которая тоже плоха и можетъ быть спасена лишь народомъ! Словомъ, всѣ другъ друга спасаютъ; но кто спасетъ логику?

Объяснимся, въ чемъ дѣло. Никто не отрицаетъ религіозности въ нашемъ народѣ, но надо различать то, что дѣйствительно составляетъ сущность христіанскаго ученія, и что внесено обычаемъ, условиями жизни, историческимъ ея ходомъ, который постоянно движется и измѣняется. Если считать неизблемымъ *все*, во что вѣритъ народъ, то надо не забывать также его вѣру въ лѣшихъ, вѣдьмъ, во всякія нашенстванія и примѣты. Христіанство въ народѣ, какъ извѣстно, издавна не осталось чистымъ отъ языческихъ примѣсей. Рядомъ съ православіемъ сохранялась естественная религія, основанная на обожаніи силъ природы, и народъ слишкомъ